
**ТЕМА НОМЕРА:
«ГОРИЗОНТЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ:
ЦЕННОСТИ ПРОШЛОГО — ЦЕННОСТИ БУДУЩЕГО»**

DOI: [10.17805/ggz.2019.5.1](https://doi.org/10.17805/ggz.2019.5.1)

**Цифровизация как культурная ценность и
цифровые технологии***

Т. Ф. Кузнецова

Московский педагогический государственный университет

В статье показано, что цифровизацию в технологическом отношении необходимо связывать с ценностной ее составляющей, без чего цифровая экономика не может развиваться применительно к странам, культурные коды которых представляют собой их важнейший ресурс, но способны быть и препятствием, если новые технологии внедряют «сверху», при этом не учитывая фактора культуры. Таким образом, при осуществлении проектов по внедрению цифровых технологий в различные сферы человеческой жизни цифровизацию важно понять в ее ценностной характеристике.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая экономика; цифровая культура; ценности культуры; тезаурусный подход

**Digitalization as a Cultural Value and
Digital Technologies**

T. F. Kuznetsova

Moscow State Pedagogical University

The article demonstrates that, in the technological respect, it is necessary to connect digitalization with its value component; digital economy cannot develop without doing so in the case of countries where cultural codes are their most important resources, but also can be a setback if new technologies are introduced from the top-down and the factor of culture is not taken into account. From this perspective, it is important to understand digitalization in its value characteristics as a basis for projects that presume implementation of digital technologies in various fields of human life.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Культурно-философские основания китайско-российского сотрудничества» (№ 19-511-93-002). The research was carried out with financial support from the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the project “Cultural and Philosophical Foundations of Sino-Russian Cooperation” (No. 19-511-93-002).

Keywords: digitalization; digital economy; digital culture; values of culture; thesaurus approach

ВВЕДЕНИЕ

Цифровые технологии в России показывают свою эффективность в самых разных областях общественной жизни. А. Ризванов в выделении 15-ти цифровых технологий, определяющих 2019 г., отмечает с некоторым восторгом: «Еще каких-то 30–40 лет назад инновации происходили раз в несколько лет, а будущее технологий можно было предсказать на десятилетие вперед. Сейчас же инновации случаются по несколько раз за день, и уже физически невозможно представить, что же нас ждет завтра. Летающие автомобили? Биоинженерия? Роботы-дворецкие? Кто знает!» (Ризванов, 2019: Электронный ресурс). Впрочем, он же замечает: «Проблема заключается в том, что этические и правовые нормы не успевают за технологиями» (там же).

Статья А. Ризванова — одна из многих тысяч представленных в Интернете вариаций будущего России, определяемого цифровыми технологиями (в поисковой системе «Яндекс» по запросу «Цифровые технологии в России 2019 года» находим 4 млн публикаций). Антон Ризванов — молодой автор, еще ничем не прославившийся и не определяющий общественное мнение по данной тематике. Можно процитировать и другие высказывания, в том числе и те, которые принадлежат маститым ученым, блогерам, деятелям искусства, инженерам, программистам и т. д. Но в восторгах по поводу улучшения жизни человека или опасениях вызовам кибербезопасности во многих случаях мы найдем прямое или косвенное признание того противоречия, которое сопровождает цифровизацию в России, а именно — полезности и неизбежности быстрого прогресса цифровых технологий, с одной стороны, и неготовности людей, сформированных в рамках и правилах определенных культур, к освоению этих достижений как нужных для них в повседневности, с другой. Это противоречие и определяет цель данной статьи.

КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Нельзя сказать, что идея цифровизации, приравненная к цифровой экономике и получающая признание во все большем числе стран, является некой утопией, умозрительным утверждением узкой группы мыслителей, подобных живущему в бочке античному Диогену, который не хотел быть обязанным своими мыслями внешним обстоятельствам жизни. Примерами стран с высокой долей цифровизации экономики стали уже (кроме США) Сингапур, Гонконг, Великобритания, Эстония. По данным Европейской комиссии, цифровая экономика составляет около 8 % ВВП в группе стран «Большой двадцатки». Процесс ускоряется: если вклад Интернета в ВВП развитых стран за

1995–2009 гг. составлял 10 %, то за 2011–2016 гг. он вырос до 21 % (Цифровизация экономики, 2017: Электронный ресурс).

Имеет значение и то, что идущая от цифровой экономики цифровизация в XXI в. охватила множество сфер человеческой жизни и сегодня не может восприниматься только в ракурсе изменений в экономике крупных корпораций. Ее осмысление расширилось до преобразования образа жизни человечества, преодоления человеческой природы не когда-то, а в самое недалекое время. Философия XXI века становится все больше философией цифровизации (Чернышов, 2018). Фактически и прошлое человечества, его культуры во всех ее проявлениях приобретает в аспекте цифровизации новый смысл. Детальный анализ архитектурного своеобразия египетских пирамид, расшифровка древних рукописей, воспроизводство голосов жрецов, живших тысячелетия назад, по строениям останков их гортаней и т. д. были бы невозможны без применения цифровых технологий. Культурная сторона этих действий состоит в том, что прошлое приближается к настоящему, становится его неперменной частью. Эта специфика показана в тезаурусном анализе «Опытов» М. Монтеня, для которого мир римского философа Сенеки, отстоявший от французского мыслителя эпохи Возрождения на полторы тысячи лет, был «своим», т. е. понятным и неотделимым от современности (Луков В., Луков Вл., 2008: 141–142).

Однако «философия цифровизации» — скорее образ всеохватности, проникновения цифры во все сферы, во все поры общественной и частной жизни человека, в его повседневный опыт, культурную картину мира. Классическое понимание философии вряд ли к цифровизации применимо, это, скорее, — способ привлечь внимание не только к пользе для человека нашего времени ее последствий, но и опасностям ее быстрого и повсеместного внедрения для человечества. В этом аспекте многое проясняет появление термина «цифровизация».

Оно — недавнее: в 1995 г. в книге Николаса Негропonte (Negroponte, 1995) «цифровизация» была представлена в контексте информатики и менее всего напоминала будущую трактовку в духе «цифровой экономики», хотя ныне понятие цифровизации не только связывается с экономикой особого рода, но прямо указывается, что цифровизация — это процесс перехода предприятия или целой экономической отрасли на новые модели бизнес-процессов, менеджмента и способов производства, основанных на информационных технологиях; собственно, в основном в бизнес-сообществе говорится не о цифровизации, а о цифровизации экономики (Цифровизация экономики, 2017: Электронный ресурс).

Напротив, Негропonte видел «цифровизацию» преимущественно как часть будущего светлого общества, повседневность которого отразит новое

значение цифры: он — своего рода поклонник технологического будущего, которое якобы уже стоит у нашего порога. Мир высоких скоростей, порожденный движением битов оцифрованной информации, заменит мир движения атомов, которые перейдут в биты «бесповоротно и неудержимо» (Negroponte, 1995: 4; здесь и далее пер. наш. — Т. К.). По Негропонте, цифровое общение приносит не только квантовый скачок в объеме информации, оно меняет наши отношения во времени и пространстве. Следующий за вами везде электронный почтовый адрес делает доступными практически любые другие географические места пребывания (*ibid*: 165–167). Асинхронное общение становится все более распространенным (автоответчики, почта, предварительный запрос на определенные телепрограммы и т. д.). «Весь ритм работы и игры меняется», что связывается с отходом от работы в офисе в течение рабочей недели в пользу возможности работать, «где угодно и когда захотим». Впрочем, «некоторым из нас нравится быть “подключенными” все время» (*ibid*: 193).

Мечты Негропонте о будущем состоят в том, что «компьютеры будут больше похожи на людей» (*ibid*: 101). Как он прогнозировал более 25 лет назад, «в следующем тысячелетии мы обнаружим, что говорим с машинами столько же или больше, чем с людьми» (*ibid*: 145). Это преклонение перед цифровым будущим напоминает предвидение будущего в трансгуманизме, где от ныне живущего человека со всеми его недостатками (ранняя смерть, подверженность заболеваниям, неспособность к подлинно интеллектуальной деятельности и т. д.) мир переходит к транслюдям, а потом и к постчеловеку — уже не к привычному биосоциальному существу, а к киборгу, более совершенному, адаптированному к непредсказуемой и рискованной окружающей среде, и природной, и созданной при недальновидном участии нынешнего человека. Многие черты постчеловека, как показали исследования в молодежной среде российских городов, встречают определенную поддержку в условиях России, но не все: в основном негативную реакцию вызывают те изменения, которые противоречат усвоенным социокультурным кодам, например, идея бесполого человека будущего. Это удачно показано в исследованиях с применением тезаурусного подхода (Луков, 2018b, 2019: 32).

Таким образом, изначально цифровизация формулировалась в тесной связи с проблематикой культуры и общества будущего и лишь постепенно произошло ее смещение к вопросам экономики. Начальный этап во многом забыт как некий художественный взгляд в будущее. Однако в нем на фоне явного восторга перед ожидаемыми преимуществами цифровизации читается и проблемность перехода к такому обществу и к такой культуре. Негропонте отмечал: «У каждой технологии или дара науки есть темная сторона. Цифровизация — не исключение» (Negroponte, 1995: 227). Среди возникающих

вслед за нею проблем злоупотребления интеллектуальной собственностью, вторжения в частную жизнь, цифрового вандализма, компьютерного пиратства, воровства данных и т. д. появляются и вопросы культуры, и прежде всего они связаны с тем, что «компьютеры не нравственны; они не могут решать сложные вопросы, такие как право на жизнь и смерть» (ibid: 228–229). В определенном смысле в идее цифровизации до ее превращения в формы цифровых технологий проглядывает культурная ценность нового этапа развития человеческого общества, постепенно отходящая в тень перед лицом технократического понимания общественного развития.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В РОССИИ

Это видно в российских планах внедрения цифры в экономику (Программа ... , 2017: Электронный ресурс). В принятых документах цифровая экономика учитывает социокультурные факторы будущего в следующем виде: «С использованием цифровых технологий изменяются повседневная жизнь человека, производственные отношения, структура экономики и образование, а также возникают новые требования к коммуникациям, вычислительным мощностям, информационным системам и сервисам» (там же).

В Программе приведены такие данные: в 2016 г. доля населения, использовавшего широкополосный доступ к сети Интернет, составляла 18,77%. На 100 человек приходилось почти 160 мобильных телефонов и 71,29 человека из 100 использовали мобильный доступ для выхода в интернет-пространство. Средняя скорость при этом выросла на 29 % (до 12,2 Мбит/с). Таким образом, Россия находилась на одном уровне с Францией, Италией и Грецией. Российский рынок коммерческих центров хранения и обработки данных показал положительную динамику и к началу 2017 г. вырос до 14,5 млрд руб. (там же).

Однако некоторые успехи не устраивают российское правительство, которое исходит не из заметного роста показателей внутри России, отмечаемых в последние годы, а из мировых сравнений. В Программе отмечается: «По предложению Всемирного экономического форума для оценки готовности стран к цифровой экономике используется последняя версия международного индекса сетевой готовности, представленная в докладе “Глобальные информационные технологии” за 2016 год. Усовершенствованный индекс измеряет, насколько хорошо экономики стран используют цифровые технологии для повышения конкурентоспособности и благосостояния, а также оценивает факторы, влияющие на развитие цифровой экономики. Согласно указанному исследованию Российская Федерация занимает 41-е место по готовности к цифровой экономике со значительным отрывом от десятки лидирующих стран, таких, как Сингапур, Финляндия, Швеция, Норвегия, Соеди-

ненные Штаты Америки, Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Люксембург и Япония. С точки зрения экономических и инновационных результатов использования цифровых технологий, Российская Федерация занимает 38-е место с большим отставанием от стран-лидеров, таких, как Финляндия, Швейцария, Швеция, Израиль, Сингапур, Нидерланды, Соединенные Штаты Америки, Норвегия, Люксембург и Германия» (там же).

Собственно, это «значительное отставание в развитии цифровой экономики от мировых лидеров», которое объясняется «пробелами нормативной базы для цифровой экономики и недостаточно благоприятной средой для ведения бизнеса и инноваций» (там же), определило и появление Программы, и сам ее дух — стремление преодолеть отмеченное отставание, скоординировать для этого все ресурсы. Изменения касаются всей общественной жизни: повседневности, производственных отношений, структуры экономики и т. д. Программа исходит и из установки на перемены во всех частях гуманитарной сферы, включая образование — одном из базовых направлений развития цифровой экономики. Но главное все же состоит в том, что цифровизация экономики и общества в России означает принципиальное изменение хозяйственной деятельности, «ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме...» (там же).

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Есть, правда, обратная сторона цифровизации экономики, которую составляет кибербезопасность. По этой теме все больше появляется аналитической и учебной литературы во многих странах мира, все чаще она ориентирована на формулирование практических рекомендаций, которые для стран с разной культурой очень похожи и в основном связаны с применением технических средств защиты от киберугроз. Сформировалось направление исследований «национальная кибербезопасность». В одном из учебных пособий по этой теме, изданном в Таллине, есть такое рассуждение: «Что такое “национальная кибербезопасность”? Нет никаких сомнений в том, что появление Интернета оказывает решающее влияние на то, как определяется национальная безопасность. Страны все чаще сталкиваются со схожей напряженностью в вопросе о том, как ускорить экономическое развитие ИКТ и интернет-экономику, в то же время защищая интеллектуальную собственность, охраняя критическую инфраструктуру и обеспечивая национальную безопасность. Электронная оборона большинства стран была пробита, и потенциальные расходы на эту деятельность весьма велики. Более ста стран обладают правительственными кибернетическими возможностями определенного типа, и по меньшей мере пятьдесят из них опубликовали киберстратегии в той или иной форме, определяющие значение [кибер]безопасности для их будущих

инициатив в области национальной и экономической безопасности» (National cyber security framework manual, 2012: 1). Эта алармистская картина рисуется как совокупная характеристика цифрового мира, где не важны даже старые экономические показатели. Например, далее авторы данного пособия пишут: «Ожидается, что через десять лет Интернет будет охватывать 60 % мирового населения (более 5 миллиардов граждан); будет связывать более 50 миллиардов физических объектов и устройств; и ее доля будет составлять по крайней мере 10 % ВВП развивающихся стран, включая Китай, Бразилию, Индию, Нигерию и Российскую Федерацию» (ibid.: 4).

Некоторая растерянность перед всесилием цифры показывает, как мало внимания на фоне всеобщей цифровизации уделяется культурной устойчивости стран мира (Кузнецова, 2018). На заднем плане стратегий цифровизации, быстрого продвижения вперед по ее отдельным направлениям (например, в России в 2019 г. повсеместно введено цифровое телевидение, на это потребовалось 10 лет, когда в европейских странах, несравнимых по величине с Российской Федерацией, — Австрией, Великобританией и др. — на несколько лет больше) остается нетронутым один, но важный фактор. Фактор культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Между тем, на фоне всеобщей цифровизации и с учетом ее, во-первых, неизбежности в глобализирующемся мире, а, во-вторых, полезности для человека и общества во многих сферах жизни, фактор культуры способен высветить свою особую роль противовеса технократическому пониманию и использованию цифровизации. В теоретическом аспекте здесь наиболее приемлемо построение модели будущего не на основе понятий, а на основе концептов, что присуще методологии тезаурусного подхода (Луков В., Луков Вл., 2008, 2013). Концепт — это «выражаемое в знаке сращение смысла и чувственного восприятия, внутреннего образа» (Луков, 2018а: 90), т. е. природа понятий в концептах сохранена, но ценностная сторона выдвигается на передний план. Ценностную сторону цифровизации не следует искать в установлении цифровых технологий как коммерческих проектов, где ценностная составляющая важна на уровне замысла, идеи проекта, а тем самым может уступить место конкретным расчетам и, следовательно, опираться на сетку понятий.

С учетом этого было бы неверно из слов программы цифровой экономики, принятой в России, делать вывод об ориентации всей деятельности по внедрению цифры в российскую жизнь. Программа преследует определенные цели, в ней, кстати, и обозначенные, и не должна восприниматься как намерение государства перекроить всю жизнь по лекалам цифровой экономики.

Однако, хотя на уровне целеполагания программы культурный фактор не заметен, в реальности его невозможно игнорировать, осуществляя запланированные мероприятия. При этом существен ракурс, в каком применяется ценностная составляющая к цифровизации: это не тормоз прогресса и не некая константа, которая не способна к изменениям. Н. Негропonte прав, что «информационная супермагистраль... порождает совершенно новую глобальную социальную структуру» (Negroponte, 1995: 183). Диалектика противоположностей, которые несет, с одной стороны, цифровизация, а с другой — культурное наследие, дает более высокое качество того и другого при их соединении в борьбе и взаимном притяжении.

Таким образом, цифровизацию необходимо связывать с ценностной ее составляющей не линейно, без драматизации применения цифровых технологий в будущем, но и с пониманием того, что цифровая экономика не может развиваться в пространстве, лишенном ценностей человеческой жизни, в обществе без культуры объединяемых им народов. Страны, культурные коды которых являются их важнейшим ресурсом, основой человеческого капитала, противоречиво подвержены влиянию цифровых технологий даже тогда, когда их (технологий) преимущества кажутся неоспоримыми. Культурные коды способны быть и тормозом, если новые технологии внедряются «сверху» и не учитывается фактор культуры. В этом ракурсе цифровизацию важно понять в ее ценностной характеристике как основу проектов, предполагающих внедрение цифровых технологий в различные стороны человеческой жизнедеятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кузнецова, Т. Ф. (2018) Цифровое общество в свете культурологии [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. № 1. С. 27–36. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/700> (дата обращения: 22.06.2019). DOI: [10.17805/ggz.2018.1.2](https://doi.org/10.17805/ggz.2018.1.2)

Луков, В. А. (2018a) Тезаурусная социология : в 4 т. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та. Т. 1. 608 с.

Луков, В. А. (2018b) Российская молодежь о биотехнологических проектах «улучшения» человека // Социологические исследования. № 4 (408). С. 73–81. DOI: [10.7868/S0132162518040086](https://doi.org/10.7868/S0132162518040086)

Луков, В. А. (2019) Социокультурные основания субъектности российской молодежи (тезаурусная концепция молодежи) : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М. 42 с.

Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы: субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 784 с.

Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2013) Тезаурусы II: тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 640 с.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (2017) / Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> [архивировано в [WaybackMachine](#)] (дата обращения: 21.09.2019).

Ризванов, А. (2019) 15 главных технологий 2019 года [Электронный ресурс] // Big Geek Mews. 18 января. URL: <https://mews.biggeek.ru/15-glavnyh-tehnologij-2019-goda/> [архивировано в [WaybackMachine](#)] (дата обращения: 21.09.2019).

Цифровизация экономики (2017) [Электронный ресурс] // БИТ. 16 апреля. URL: <http://bit.samag.ru/uart/more/67> [архивировано в [WaybackMachine](#)] (дата обращения: 20.09.2019).

Чернышов, А. Г. (2018) Стратегия и философия цифровизации // Власть. Т. 26. № 5. С. 13–21. DOI: [10.31171/vlast.v26i5.5815](https://doi.org/10.31171/vlast.v26i5.5815)

[National cyber security framework manual](#) (2012) / ed. by A. Klimburg. Tallinn : NATO Cooperative Cyber Defense Center of Excellence. xvii, 235 p.

Negroponte, N. (1995) Being digital. N. Y. : A. Knopf. viii, 243 p.

Дата поступления: 1.10.2019 г.

REFERENCES

Kuznetsova, T. F. (2018) Tsifrovoe obshchestvo v svete kul'turologii [Digital society through the lens of culturology]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniia*, no. 1, pp. 27–36. [online] Available at: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/700> (accessed 22.06.2019). (In Russ.). DOI: [10.17805/ggz.2018.1.2](https://doi.org/10.17805/ggz.2018.1.2)

Lukov, V. A. (2018a) *Tezaurusnaia sotsiologiya [Thesaurus sociology]* : in 4 vols. Moscow : Moscow University for the Humanities Publ. Vol. 1. 608 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. (2018b) Rossiiskaia molodezh' o biotekhnologicheskikh proektakh «uluchsheniia» cheloveka [Russian young people on biotechnological projects for human “enhancement”]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4 (408), pp. 73–81. (In Russ.). DOI: [10.7868/S0132162518040086](https://doi.org/10.7868/S0132162518040086)

Lukov, V. A. (2019) *Sotsiokul'turnye osnovaniia sub"ektnosti rossiiskoi molodezhi (tezaurusnaia kontseptsiiia molodezhi) [Sociocultural foundations of the Russian youth's subjectivity (Thesaurus conception of the youth)]* : Abstract of the diss. ... Doctor of Sociology. Moscow. 42 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. and Lukov, Vl. A. (2008) *Tezaurusy: Sub"ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia [Thesauri: The subjective organization of humanities knowledge]*. Moscow : The National Institute of Business Publ. 784 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. and Lukov, Vl. A. (2013) *Tezaurusy II: Tezaurusnyi podkhod k ponimaniuu cheloveka i ego mira* [Thesauri II: The thesaurus approach to the conceptualization of the person and his/her world]. Moscow, The National Institute of Business Publ. 640 p. (In Russ.).

Programma «Tsifrovaia ekonomika Rossiiskoi Federatsii» [Programme “Digital Economics of the Russian Federation”] (2017) / Approved by the Order of the Government of the Russian Federation on July 28, 2017, No. 1632-p. *Pravitel'stvo Rossii* [online] Available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> [archived in [WaybackMachine](#)] (accessed 21.09.2019). (In Russ.).

Rizvanov, A. (2019) 15 glavnykh tekhnologii 2019 goda [15 cutting-edge technologies of 2019]. *Big Geek Mews*, January 18. [online] Available at: <https://mews.biggeek.ru/15-glavnyh-tehnologij-2019-goda/> [archived in [WaybackMachine](#)] (accessed 21.09.2019). (In Russ.).

Tsifrovizatsiia ekonomiki [Digitalization of economics]. (2017) *BIT*, April 16. [online] Available at: <http://bit.samag.ru/uart/more/67> [archived in [WaybackMachine](#)] (accessed 20.09.2019). (In Russ.).

Chernyshov, A. G. (2018) Strategii i filosofii tsifrovizatsii [Strategy and philosophy of digitalization]. *Vlast'*, vol. 26, no. 5, pp. 13–21. (In Russ.). DOI: [10.31171/vlast.v26i5.5815](https://doi.org/10.31171/vlast.v26i5.5815)

[National cyber security framework manual](#) (2012) / ed. by A. Klimburg. Tallinn : NATO Cooperative Cyber Defense Center of Excellence Publication. xvii, 235 p.

Negroponte, N. (1995) *Being digital*. New York : A. Knopf. viii, 243 p.

Submission date: 1.10.2019.

Кузнецова Татьяна Федоровна — доктор философских наук, профессор; профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета, академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия). Адрес: 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 88. Тел.: +7 (495) 539-55-19. Эл. адрес: kult@mpgu.edu

Kuznetsova Tatiana Fedorovna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Culturology, Moscow State Pedagogical University; Full member, International Academy of Science (IAS, Innsbruck, Austria). Postal address: 88 Prospekt Vernadskogo, 119571 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 539-55-19. E-mail: kult@mpgu.edu

Для цитирования:

Кузнецова Т. Ф. Цифровизация как культурная ценность и цифровые технологии [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 5. С. 3–13. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1100> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: [10.17805/ggz.2019.5.1](https://doi.org/10.17805/ggz.2019.5.1)